

Дорогой Николай Иванович!

Большое спасибо Вам за «Чувство родного слова». Я даже и не знаю, как выразить свою радость, как будто я говорил со своим отцом, со своей матерью, со своими земляками. У нас в Красном Оселке зга всегда была понятным словом, там его понимают так же, как и у вас на Смоленщине. Правда, у нас не бытует слово загнетка, угли сгребают в сторонку, в **гарнушку**, но **зга** явственно слышится в глаголах гасить, гаснуть, сгаснуть. **Сгинуть** — это уже переносное понятие (пропал, как искра). Думается, **зга** осталась от древнейшего русского языка, так же, как и **мга**.

У меня все нутро выворачивается, когда я встречаюсь с людьми (в большинстве писатели) и когда они говорят: о'зимые, 'яровые, 'валовые, по русски так не говорят — ози'мые, яро'вые, вало'вые, род'ные, чу'жие...

Меду прочим, шибко грамотные люди в подавляющем большинстве люди безъязыкие, писатели, поэты почти поголовно без какой-либо словесной культуры, я уже не говорю о журналистах. Все изъясняются в любви к России, к ее березкам, кленам, но забыли самое главное — русский язык, забыли душу России.

Для Вас, может показаться странным, но я не могу принять книгу Яр. Смелякова «День России», уж слишком она бедна и по содержанию и по интонации. Впрочем, это уже личное. Не люблю деклараций, пожалуй, я бы не заговорил об этом, но Вы процитировали строки Яр. Смелякова («Русский язык»):

*Ты пахнувший прелой овчиной
И дедовским острым кваском,
Писался и **чорной лучиной**
И дедовским белым пером.
Хоть выше цены и расценки —
В году сорок первом, потом
Писался в немецком **застенке**
на слабой известке гвоздем.
Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.*

Откуда гвоздь в застенке? На слабой известке можно ногтем писать, зачем гвоздь? Прелая овчина, конечно, пахнет, но квасок, он не пахнет,

он сшибает, например, я никогда не слышал, чтоб кто-то пришел в нашу избу и сказал: А у Вас квасом пахнет (в Оселке это так же безграмотно, как **в воздухе пахнет грозой**, под городом Горьким (речь идет о Соромове, выше Горького). А кто и когда видел черную лучину. Другое дело огарок (то, что осталось от сгоревшей лучины). А дальше идет кощунство над языком: **хоть выше цены и расценок**, язык никто никогда не продавал и не оценил, так же как и всякое отдельно взятое слово. Владыки, к сожалению, **мгновенно** никогда не исчезали. **На русскую суть** языка. Русская суть это одно, язык другое. Выходит на русскую суть русского языка...

Кукушки не могут кричать даже под пером такого поэта, как А.К. Толстой, нельзя писать о русском языке черной лучиной.

Извините, Николай Иванович, что я побеспокоил Вас, я как репей, иногда колючим бываю.

Всего Вам доброго

Всегда помнящий и читающий Вас
Федор Сухов

* * *

Дорогой Николай Иванович!

Извините, что я беспокою Вас, но не могу оставить Ваше письмо без ответа.

Мне думается, литераторы, которые диктуют свои сочинения на магнитофонную пленку, сами по себе не были бы так страшны, когда бы они не диктовали те положения, тот взгляд на жизнь, который подерживается свыше.

Свободный народный язык не совместим с официозом, даже такие ревнители русского слова, как Шевырев, Погодин не оставили заметного следа, не оставили только потому, что их языковая словесная деятельность поддерживалась свыше. На книгу Яр. Смелякова «День России» я смотрю как на официоз. Да и само слово «Россия» сейчас оказено. И не случайно все халтурщики, все бездарности ухватились за это слово. Ярослав Смеляков не из этой сотни, у него немало порядочных стихов, но, когда он заговорил о России, он очень низко пал, потому что он молчит о той России, которая Вам (нам) хорошо известна.

Очень потряс протопоп Аввакум. Хороши его строки:

*Ведь он оставил русской речи
И прямоту и срамоту,
Язык мятежного предтечи
Светящийся, как уголь, во рту.*

Но разве только этим памятен протопоп Аввакум? Я несколько лет занимался им (он мой земляк и единоверец) и удивляюсь тому, с какой необыкновенной легкостью написал об этом исключительно самобытном человеке, человеке исполине, фанатике, в котором сказался характер русского человека, его непримиримость с официозом, его стойкость, упрямая, бесподобная. Та башня, о которой повествует Смеляков, неужели она не могла навести его на более глубокие мысли? А если брат вообще, так сказать, в идейном плане, раскол, который произошел 300 лет назад, в чем-то созвучен тому, что происходит сейчас. Я думаю, Вы понимаете, о чем я говорю.

О протопопе Аввакуме писал (поэму) Волошин, нечто драматическое философское, но несравнимо лучше всего о себе написал сам Аввакум. Его «Житие» удивительно не только по своему языку, но по своей внутренней собранности, по своему мятежному упрямству, мятежному духу.

Много лет у нас выбивали наши души, мы забыли свою историю, а поэтому забыли и свой язык. Стали план задавать: кто, что диктует неважно — на магнитофонную пленку или в трубку телефона. Отсюда не только язык, — потерялись, исчезли обыкновенные человеческие чувства.

Грусть, печаль — у нас до сих пор под запретом. Мы не знаем, что такое жалость, испохаблено само понятие человечности, добра. Все эти Фадеевы, Сурковы (им несть числа) захватили все сеянное, что оставалось (каким-то чудом) в нашей литературе (Пришвин, Сергеев-Ценский, Соколов-Микитов). Я уже не говорю о Есенине, Бунине, Платонове. Все это Вы, конечно, знаете лучше меня. И мне кажется, «День России» Смелякова то же самое, что было, только некоторой ориентировкой на что-то пустое и уж очень поверхностное, плакатное. Что касается книги, она, на мой взгляд, сродни ее содержанию — необыкновенная легкость, палочки-скакалочки, редко встретишь задевающие строки. Нет весомости и нет ее потому, что нет чувства, нет пережитости, даже о своей жизни Смеляков говорит очень уж легко, как будто все так и нужно. А что он сказал о Борисе Корнилове?

Возможно, Вы возразите мне, дескать, я хочу того, что пока недоступно, что пока вне досягаемости нашей литературы, а раз так, значит не может быть какого-то серьезного разговора о нашей словесности и мы должны довольствоваться тем, что есть.

А что бы сказал по этому поводу протопоп Аввакум? Мы потеряли самих себя, потеряли свою душу, а с душой всё остальное. Прошу простить меня за бессвязный лепет.

Всего Вам доброго, Николай Иванович, остаюсь с давней любовью к Вам

Федор Сухов

* * *

4 января 1968 г.

Дорогой Николай Иванович!

Мне кажется, что я умаял Вас своими письмами и Вы правы, что у нас одна боль, одни и те же на душе мозоли, у одних эти мозоли кричат, у других молчат.

Все, что Вы сказали в последнем письме, я разделяю, согласен, что «День России» интересное явление, что есть в ней стихийно прорывающийся историзм, исключительно верно Вы сказали и о Аввакуме.

Очень тяжело говорить о своих кричащих мозолях, потому что я знаю Вашу чуткость, думаю — мои мозоли и Ваши мозоли, но Вы терпите, Вы за терпимость. Но ведь терпеть-то уже не вмоготу, слишком много мы вытерпели, потерпим, может быть, еще, но надо думать и о том, что даст это терпение, получается так, что это терпение порождает такие страшные уродства, каких не могли представить даже библейские пророки. В истории всех времен и всех народов не было такого случая, такого факта, когда бы так жестоко наказывались обыкновенные человеческие чувства (печаль, жалость, грусть). И если продолжить разговор о «Дне России», «день» этот меня больше всего возмущает тем, что он статичен, обо всем понемногу. Не знаю, как и что думает автор «дня», но ведь, кроме «рязанских марафов» были «рязанские мужики», были дети, женщины, старики, которых «гуртом» (Твардовский) отвозили в места, где не было ни единого прутика. Но не думайте, что все это я знаю понаслышке, все это происходило на моих глазах моего малолетства. С тех пор я не могу выносить слово «кулак», потому что кулаками-то оказались обыкновенные труженики, а подкулачниками все те, кто как-то пытался защитить справедливость. Я знаю, придет время, не мы, так наши дети услышат такую правду, от которой содрогнется земля, ибо и сама земля испохаблена, она и сейчас до сих пор не очень балует нас, ее сынов, она сурова к нам и настороженно-недоверчива. Я уже не говорю о «мелких» фактах. Не знаю, как бы Вы чувствовали (сейчас), если б Смоленск назвали не Куйбышевым, не Калининым, не Кировым, назвали бы Кутузовым, сказался бы в этом какой-нибудь «историзм». Думаю, что нет так же никакого «историзма» в книге «День России», есть некое подобие примитивного (часто малограмотного) взгляда на какие-то

минувшие события, который ничем не обеспокоит тех, кто сегодня или завтра переименуют Смоленск в какой-нибудь Фидель-Кастро (так же как Лиски в Георгиу-Деж). Я уверен, что будущие люди ужаснутся нашей терпимости и скажут, что примерно это сказал А.К. Толстой (в предисловии к «Князю Серебряному»), что его не удивляет, что могли существовать Иваны Грозные (и др.), но его удивляет, что могло существовать общество, которое терпело этих грозных, малют (и пр.).

Я всегда говорю, что я счастлив, счастлив тем, что пережил коллективизацию, войну, сталинскую каторгу, но я не знаю, как мне быть со своим счастьем, оно остается с одним со мной, об этом счастье (даже счастье!) я не могу во всеуслышание поведать людям. Отсюда и ощущение своей неполноценности, своей кладбищенской тоски, грусти. Россию, ее историю надо нести на своих плечах, тяжело, до ужаса тяжело ее нести, но коль взялся нести — неси, на карачках, но неси, при всем моем уважении к Яр. Смелякову, я не чувствую, не вижу на нем этой тяжести. Таково мое понимание «историзма», которое не исключает и того светлого, что было во «Дне России», я преклоняюсь перед мучениками, перед апостолами справедливости, перед радетелями добра, перед всей русской землей. Тут-то я всегда вспоминаю М.Ю. Лермонтова, который в пору страшнейшей реакции дал точное и верное определение отчизны (Родины).

Но это вряд ли мне по силам.

Да и нужды особой нет,

Раз ты опять запел, Корнилов,

Наш сотоварищ и поэт.

Как все легко. Даже нужды особой нет вести читателя в душу поэта, который погиб (и только за то, что он был талантливее пристяжных адописцев). Я видел мать Б.П. Корнилова, Анисью Михайловну, не думаю, что приведенные строки могли ее утешить, тем более, они ничего не могут дать дочери и внучке поэта. Такой «историзм» кощунственен, он лишен даже человеческих чувств.

Яр. Смеляков, продукт воспеваемого им «Дня России», такой продукт не был бы горек, если б им не воспользовались те, кто пытается забыть историю, ее уже преподанные нам уроки.

Простите меня, Николай Иванович, за мои мозоли, возможно, я наступил и на Ваши мозоли, но, знаете, я блуждаю в темном лесу, слышу дыхание сосен и берез, но смутно ощущаю человеческое дыхание и Ваше человеческое дыхание мне бесконечно дорого и близко даже в том случае, если мы различно смотрим на те или иные вещи.

Однако Вам могу желать — здоровья, берегите его.

Всегда помнящий Ваше дыхание

Федор Сухов

* * *

Анатолий Кузьмич Бабореко (критик, литературовед, буниновед). В письме от 2 марта 1968 года он пишет Николаю Ивановичу:

«Я послал в Париж Вашу статью, напечатанную в «Литературной России» — «Чувство родного слова», т.к. она очень понравилась мне. Послал Леониду Федоровичу Зурову*. Вот что он написал мне по этому поводу: «Статья Рыленкова хороша. Передайте, пожалуйста, Николаю Ивановичу, что я знаю слово «сутока». Сутоки это не только слияния рек, но это и слияния человеческих век, то место, откуда льются слезы. Сутока это слезница. Особенно ясно написаны сутоки на больших иконах древнего письма. Думаю, что иконописцы знали это слово. А слово это я впервые услышал в Печерском краю от старого псковича. Во Пскове был даже древний купеческий род Сутоцких. Да, слово «сутоки» столь древне, что его теперь и услышать нельзя, но крестьянство, в своей сокровищ-

* Зуров А.Ф. секретарь И. Бунина, хранитель его архива.

нице, хранило и это слово. Знали это слово и древние волхвы псковские (знахари). То, что слово это Николай Иванович услышал на Смоленщине, очень показательно, так как Смоленск со Псковом в родстве».

* * *

Москва, 4 декабря 1967 г.

Дорогой Николай Иванович!

Откликаюсь на Ваше «Чувство родного слова». Вкусно написано, со вкусом и читал. Согласен насчёт луба. Бешусь, когда слышу «береста», вместо русской берёсты. В одной своей упрямо, сердя корректоров, всюду на этом слове расставил ё (а что? — для чего эта буква в нашем алфавите?). О зге — очень интересно и для меня полезно.

Многих слов нет в наших словарях. Помню редактор в «Искусстве» мне сказал: «Корректоры подчеркнули слово «кривулял», говорят в словарях такого слова нет».

Глянул, и то, нет. Вот так раз, а у нас на Вологодчине обычное и очень точное и нужное слово. Заставил оставить. Поверили — оставили.

Недавно начал читать в «Литературке» фельетон, издевательство над русским в русском языке. Бросил, показался фельетон подлым.

А недавно, мне рассказывали, на секции прозы в Москве попытались написать на то же — на русское в русском: зачем, мол, этот упор на национальное.

Так что статья Ваша вышла в нужное время и к делу.

За это и спасибо.

Юрий Арбат (прозаик)